

УДК 81'42

UDC 81'42

Ахметгареева Оксана Федоровна
Военный университет Министерства обороны
г. Москва, Российская Федерация
Akhmetgareeva Oksana Fedorovna
Military University of the Ministry of Defence
Moscow, Russian Federation
oksanafed1979@mail.ru

**ФУНКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ
СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ**
**THE FUNCTIONS OF PERSONAL PRONOUNS IN THE PRESIDENTIAL
DISCOURSE OF GEORGIA**

Аннотация

В предлагаемой статье анализируются функции личных и притяжательных местоимений в президентском дискурсе современной Грузии. Рассматриваются особенности использования местоимений в президентском дискурсе, где они являются одним из эффективных средств манипулирования общественным мнением, а также значимой характеристикой политика, отражающей его мировоззрение и идеологию. В статье предпринята попытка показать специфику личных и притяжательных местоимений на материале современных грузиноязычных политических текстов. Кроме того, уделяется внимание употреблению личного местоимения 1-го лица с глаголом 1-го лица. Детальное изучение выступлений президента Грузии позволило сделать вывод об эффективности этого грамматического сочетания, которое способствует достижению особого прагматического эффекта и придаёт определённую экспрессивность высказыванию. Результатом проведённого анализа явилось выделение в президентском дискурсе Грузии наиболее актуальных функций местоимений для данного вида дискурса: детерминация, демонстрация статусного превосходства и объединение.

Abstract

The article analyzes the functions of personal and possessive pronouns in the presidential discourse of modern Georgia. The article considers the use of pronouns in presidential discourse, where it is one of the effective means of manipulating public opinion, as well as a significant feature of a politician, reflecting his worldview and ideology. The article attempts to show the specificity of personal and possessive pronouns on the material of modern Georgian-language political texts. In addition, attention is paid to the use of the personal pronoun of the 1st person with the verb of the 1st person. A detailed study of the speeches of the President of Georgia made it possible to draw a conclusion about the effectiveness of this grammatical combination, which contributes to the achievement of a special pragmatic effect and gives a certain expressiveness to the statement. The result of the analysis of the presidential discourse of Georgia was the identification of the most relevant functions of pronouns for this type of discourse: determination, status superiority demonstration, expressing unity.

Ключевые слова: грузинский язык, личные и притяжательные местоимения, межкультурная, межнациональная и межгосударственная коммуникация, президентский дискурс.

Keywords: the Georgian language, personal and possessive pronouns, intercultural, inter-ethnic and interstate communication, presidential discourse.

doi: 10.22250/2410-7190_2019_5_4_18_25

1. Введение

Обострение политической обстановки в современном мире не могло не найти своё отражение в политических текстах, так как именно текст выступает ключевой формой институциональной коммуникации. Следствием этого становится постепенное усиление в политическом и общественном дискурсах имплицитных форм подачи информации.

Присутствуя в большинстве сфер общественной жизни, политика, бесспорно, оказывает огромное воздействие на способы коммуникации между индивидами. Отдавая дань тенденции к политизированности общества, коммуникация во всех своих проявлениях чаще всего организовывается и реализуется на уровне политики. Представляя собой совокупность эффективных речевых действий, политическая коммуникация служит достижению основополагающей цели политиков – не просто добиться власти, но и удержать её. Политические элиты стремятся к эффективному управлению человеческим поведением, используя действенные стратегии и тактики речевого воздействия. Дискурсивное выражение политической власти проявляется в системе коммуникации между её субъектами, где стратегической целью одного из коммуникантов – политического деятеля, является манипулирование аудиторией через использование по возможности слабых коммуникативных сторон противника. Для политического дискурса характерна высокая степень аргументации, где просматривается его флективная составляющая – в зависимости от ситуации аргументативность политического дискурса может служить отстаиванию точки зрения, оправданию или опровержению мнения либо для получения одобрения аудитории.

По нашему мнению, в ситуации активного политического противоборства, использование языковых средств воздействия на массового адресата представляет собой совокупность взаимосвязанных действий, направленных на достижение главной цели – политического доминирования или превосходства.

Политический дискурс современной Грузии находится на этапе своего развития – это объясняется активной политической жизнью страны в последние десятилетия, а также рядом значимых политических событий, произошедших в конце 20-го начале 21-го вв. Ситуация, сложившаяся в обществе, а также задачи, стоящие перед политиками, определяют особенности их речевого поведения, целью которого является воздействие на интеллектуальную, идеологическую и эмоциональную составляющие адресата. Воздействующая функция, активно используемая в политической коммуникации, реализуется через применение языковых средств воздействия, стратегий и тактик, что оказывается основной составляющей политической коммуникации. Семантическое своеобразие местоимений давно выступает предметом научного интереса лингвистов, например Л. Блумфилд, Е. М. Вольф, Г. Суит рассматривали местоимения как слова-заменители (субституты), З. Харрис называл их «проформы», Ф. Брюно – «репрезентанты» и так далее. Один из основателей дескриптивного направления структурной лингвистики Л. Блумфилд признавая несамостоятельность местоимений, предлагал объединить существительные и местоимения в одну, более крупную часть речи субстантивные слова. Это обуславливается тем, что функция субституции является основной для класса местоимений [Bloomfield, 1933, с. 269–275.]. Описание местоимений как указательных слов мы находим в работах таких ученых, как К. Бругмана К. Бюлера А. А. Потебня – это связано с введением в понятийный аппарат термина «дейксис». Дейктические элементы, или индексальные выражения, в терминологии Ч. С. Пирса,

явили собой классический объект изучения прагматики с 50-х годов XX века [Арутюнова, 1985, с. 3–42]. Основными функциями местоимений являются дейктическая, субституционная и анафорическая. При этом очевидно, что местоимения – это прагматически разнообразный класс слов. Мы разделяем точку зрения Дж. Юла, согласно которой именно простота формы местоимений маскирует сложность их использования [Yule, 1996, с. 89].

В данной статье научный интерес автора фокусируется на разряде личных и притяжательных местоимений в президентском дискурсе современной Грузии. Исследование именно грузиноязычных текстов нам кажется актуальным, поскольку на сегодняшний день в России нет работ, посвящённых описанию грузинского языка в рамках изучения политического дискурса и политических текстов. Будучи национальным языком большинства населения Грузии и имея более чем двухтысячелетнюю историю грузинский язык – это хранитель национальной культуры народа, где языковые единицы (в данной работе – местоимения) являются средством передачи любой информации, в том числе и политической.

2. Некоторые особенности президентского дискурса Грузии

При изучении текстового материала и исследовании грузиноязычных политических текстов, нами поставлена задача дать описание специфике функционирования личных и притяжательных местоимений в президентском дискурсе современной Грузии. Поставленная задача показала необходимость анализа употребления и функционирования местоимений в современных грузиноязычных политических текстах. Думается целесообразным показать особенность функционирования отобранных для исследования разрядов местоимений на материале текстов выступлений президента Грузии. В рамках коммуникативной стратегии текста семантика и функции местоимений приобретают особое значение.

Коммуникативно правильное применение местоимений способствует созданию особого эффекта в речи политиков. Для политика важно создать имидж наиболее подходящего лидера своей нации, способного разделить и защитить интересы представителей всех социальных слоев. Согласно точке зрения французского лингвиста Э. Бенвениста, в речевом акте с местоимениями Я и ТЫ объединяется группа указательных слов, к которым относятся местоимения, наречия, наречные выражения и т. п., и которые зависят от центра персональности, местоимений Я, ТЫ [Бенвенист, 1974, с. 287]. Для политических деятелей важно владеть искусством умелого использования языковых средств с целью убеждения адресата в правильности своих позиций, а также в том, что все действия политика направлены исключительно на защиту интересов общества. Демонстрируя отстаивание интересов общества, политик опирается на сложившийся веками национальный менталитет, что является характерной чертой политического дискурса современной Грузии. Расставляя акценты в своих обращениях на общечеловеческих ценностях, политик позиционирует себя как одно целое с народом. Человеку свойственно сравнивать себя с другими членами социума когда речь идет о поиске и определении своего места в обществе. «Соотнося себя с другими людьми, он включается в объективную сеть политических отношений, он начинает определять своё Я, исходя из того, какое место он занимает в политическом пространстве, к какой группе принадлежит, какова его политическая идентичность» [Пушкарева, 2004, с. 27].

Г. В. Пушкарева определяет политическую идентичность как «особый вид эмоционально переживаемого знания, хранящегося в памяти человека, это самопрезентация индивида, определяющие его самоотнесение с той или иной группой политических акторов, с той или иной позицией в системе политических властеотношений» [там же].

В рамках манипулятивных техник Е. Н. Рядчикова выделяет контакт «... который имеет тенденцию сам себя поддерживать в силу положительного эмоционального, мотивационного или смыслового отношения к нему», а примером служат обращения типа «коллега», «земляк», а также местоимение «мы», которое способствует тому, чтобы слушающий ясно осознавал, что говорящий такой же, как и он сам [Рядчикова, 2005, с. 290–300].

Е. И. Шейгал [Шейгал, 2000, с. 159] определены особые вербальные знаки интеграции, способствующие отождествлению политиков себя с аудиторией, призывающие к общей национальной, статусной и иной социальной принадлежности. Среди них:

- «маркеры своих»: инклюзивное *мы*, лексемы совместности (*вместе, все, наши, единство, единый, блок, союз, объединение*);
- лексические единицы с компонентом совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией 'я свой' (*друзья, товарищи, братья и сестры, сограждане, россияне, коллеги, земляки, мужики*);
- формулы причастности (*Я, как все...*).

Значимой характеристикой политика является использование или игнорирование местоимения первого лица, однако функции личных и притяжательных местоимений, употребляемых в президентском дискурсе современной Грузии, на сегодняшний день не проанализированы и научно не описаны.

Проводя анализ употребления местоимений в политическом дискурсе современной Грузии, нельзя не сказать о разнообразии их экспрессивно-стилистических функций. Например, употребляя местоимения «мы», «наш» в политических текстах выполняется функция группового объединения, демонстрация единства говорящего с другими лицами или социальными группами. В своей инаугурационной речи президент Грузии Г. Маргвелашвили употребил местоимения: *мы* – 20 раз, *наш, наши, нам, нас* – 21 раз, *я* – 17 раз. Отрывок данной речи приведён ниже (здесь и далее перевод наш – О. А.).

<p>მაგრამ ჩვენ, აქამდე ვერ ვახერხებდით, ჩვენი ევროპელობა ახელმწიფოებრივ ინსტიტუციურ ანზომილებაში გადაგვეტანა.</p>	<p>Но, до сих пор, <i>нам</i> не удавалось перенести <i>нашу</i> европейскость в государственное институциональное измерение.</p>
<p>შარშანდელი პირველი ოქტომბრის შემდეგ, ჩვენ შევძელით ჭეშმარიტად პოლიტიკური როცესებისთვის დავუდეთ სათავე.</p>	<p>После первого октября прошлого года, <i>мы</i> сумели положить начало истинно политическим процессам.</p>
<p>ერთი წლის წინ, ბიძინა ივანიშვილმა გაგვავრთიანა და ერთიანობით, ჩვენ გაგვაკეთეთ ის, რაც შეუძლებელი ჩანდა - მშვიდობიანად, არჩევნებით ჩავუყარეთ საფუძველი ჩვენი ქვეყნის წარმატებულ პოლიტიკურ მომავალს.</p>	<p>Год назад, Бидзина Иванишвили объединил нас и при помощи этого единства <i>мы</i> сделали то, что казалось невозможным – мирно, путём выборов, заложили фундамент успешного политического будущего нашей страны.</p>

ამის შემდეგ, ჩვენ არა მხოლოდ შევინარჩუნეთ და განვამტკიცეთ სტაბილურობა ქვეყანაში, განვახორციელეთ მნიშვნელოვანი ეკონომიკური, სოფლის მეურნეობის, ჯანდაცვის, აგანმანათლებლო, სოციალური პროექტები, არამედ მოვახერხეთ მაღალი დემოკრატიული სტანდარტებით არჩევნების ჩატარება.	После этого мы не только сохранили и укрепили стабильность в стране, осуществили важные экономические, сельскохозяйственные, здравоохранительные, образовательные, социальные проекты, но сумели провести выборы по высоким демократическим стандартам.
ამ არჩევნებში ჩვენმა კოალიციამ დამაჯერებელი გამარჯვება მოიპოვა.	В этих выборах наша Коалиция одержала убедительную победу.

Данный пример был взят из инаугурационного выступления Г. Маргвелишвили [Речь президента, 2011]. Он взывает к народу, его постоянное употребление *мы, нас, нашу* подчёркивает, что президент, Грузия и народности её населяющие – неразделимое единое целое. Таким образом, можно сделать вывод, что личные и притяжательные местоимения могут выполнять функцию группового объединения в случаях, когда речь идёт об их употреблении во множественном числе 1-го лица, а также детерминирующую функцию, направленную на создание положительного имиджа лидера, конкретизирующую излагаемые им цели, выделяющую оппозицию «свои – чужие».

Значимой компонентой при создании положительного имиджа политиков является употребление местоимения первого лица единственного числа *მე 'я'*, что показывает их интенцию подчеркнуть важность настоящего момента, демонстрирует степень ответственности за высказанное мнение, а также придаёт речам политиков субъективный характер. Искренность и открытость к диалогу, вовлечённость в важные социально-политические события также подчёркивается употреблением местоимения 1-го лица единственного числа. Подвергая анализу употребление личного местоимения *მე - 'я'* в грузинском политическом дискурсе, мы опираемся на мнение А. В. Бондарко, который указывает на то, что специфика данного личного местоимения заключается в его роли в качестве ядра грамматического центра поля персональности. Соответственно, оно представляет центральную сферу семантики персональности и тем самым исключает участие в речевом акте. А. В. Бондарко указывает на то, что реальное *Я* отражается, прежде всего, в системе глагольных и местоименных форм лица [Бондарко, 2002, с. 560–570].

Кроме личных местоимений всех трёх лиц единственного и множественного чисел, могущих сопутствовать соответствующим личным глагольным формам, сама личная форма глагола включает в себе показатели лиц субъекта в виде префиксов или суффиксов [Руденко, 1940, с. 89]. В грузинском языке показателем глагола 1-го лица для обоих чисел выступает префикс *ვ- 'в'*, что допускает использование в грузинском языке глагола без местоимения, но требует перевода на русский язык с местоимением. Употребление в инаугурационной речи президента Грузии личного местоимения *მე 'я'* вместе с глаголом 1-го лица с префиксом *ვ-* усиливает экспрессивность высказывания, подчёркивает неоспоримость лидерства Г. Маргвелишвили, усиливает осознание степени ответственности за государство и грузинский народ. Выразительность речи при переводе сохраняется, поскольку свободный порядок слов в русском варианте этих предложений помогает подчеркнуть необходимость предпринимаемых избранным президентом действий.

<p>მე, როგორც ქვეყნის პრეზიდენტი, ახელისუფლებო გუნდთან ერთად, ვიღებ ამ პოლიტიკის განხორციელების პასუხისმგებლობას.</p>	<p>Я, как Президент страны, вместе с правительственной командой, принимаю ответственность за осуществление этой политики.</p>
<p>როგორც პორეზიდენტი, მე ვემსახურები თითოეულ თქვენთაგანს. საქართველოს ყველა მოქალაქისთვის, ერთნაირად ვიქნები უფლებათა დაცვის გარანტი.</p>	<p>Как Президент, я служу каждому из вас. Я буду гарантом защиты прав одинаково для всех граждан Грузии.</p>
<p>მე, როგორც ქვეყნის უმაღლესი მთავარსარდალი, ქედს ვიხრი ჩვენი დაღუპული გმირების ხსოვნის წინაშე. მათი სახელი დავიწყებას არასდროს მიეცემა.</p>	<p>Я, как верховный главнокомандующий страны, преклоняюсь перед памятью наших погибших героев. Их имена никогда не будут нами забыты.</p>
<p>მე მჯერა, რომ ყველაზე უარესი წლები, უკან მოვიტოვეთ; რომ ჩვენი ქვეყნის ოქროს ხანა ეკუთვნის არა მხოლოდ წარსულს, არამედ მომავალსაც. ეს ხედვა რეალურად ერთ დღეში ვერ იქცევა, მაგრამ მე ვხედავ საქართველოს, რომელიც მისი შვილებისათვის არა გადარჩენისთვის ბრძოლის, არამედ ღირსეული ყოფის, სიცოცხლით ტკობის, ნიჭიერების გაფურჩქვნისა და თვითრეალიზაციის სივრცეა.</p>	<p>Я верю, что мы оставили позади самые худшие годы; что золотая эра нашей страны принадлежит не только прошлому, но и будущему. Это видение не может стать реальностью в один день, но я вижу Грузию, которая является для ее сынов пространством не для борьбы за выживание, но достойного бытия, наслаждения жизнью, расцвета таланта и самореализации.</p>
<p>მე ვხედავ ქვეყანას, რომელსაც მსოფლიო იცნობს არა პოლიტიკური კრიზისებით თუ ჰუმანიტარული პრობლემებით, არამედ მისი განსაცვიფრებელი სილამაზით, ცხოვრების სილადით და...</p>	<p>Я вижу страну, известную миру не политическими кризисами или гуманитарными проблемами, но своей удивительной красотой, вкусом к жизни...</p>
<p>მე ვხედავ ენერგიას, რომელმაც რუსთაველს „ვეფხისტყაოსანი“ შეაქმნევინა...</p>	<p>Я вижу энергию, благодаря которой Руставели создал «Витязя в тигровой шкуре»...</p>
<p>მე ვხედავ იმ აღტაცების გამეორებას, რომელიც მოჰგვარა მსოფლიოს მცხეთის ჯვრის სილიადემ...</p>	<p>Я вижу повторение восторга, в который привели мир величие монастыря Джвари...</p>

Данные примеры свидетельствуют о том, что разворачивающаяся в высказывании ситуация непосредственно соотносится с коммуникантами с путём использования личного местоимения *Я* с глаголом 1-го лица с префиксом *ვ-*, что позволяет охватывать зоны субъектности то есть указывать на того, кто говорит и выступает в качестве от-правной точки высказывания.

В приведённых примерах личная форма глагола выступает, в том числе, и категорией персональности, так как в форме глагола показана категория лица. Будучи

грамматическим центром персональности, категория лица местоимений и глаголов обретает многофункциональность, что позволяет говорить о выполнении не только семантических функций, но ещё и функций прагматических в случаях, обусловленных особенностью коммуникативной ситуации.

3. Заключение

Обобщая теоретический материал и подводя итог анализу функций местоимений в президентском дискурсе Грузии, мы выделили наиболее, на наш взгляд, актуальные функции для данного вида дискурса:

– функция детерминации, в случаях, когда местоимение 1-го лица единственного числа выступает, в первую очередь, как средство детерминации, то есть определения говорящего, инициатора коммуникативного акта;

– функция демонстрации статусного превосходства, в случаях, когда использование личного местоимения 1-го лица единственного числа в роли подлежащего может говорить о социально-статусном доминировании говорящего над аудиторией, присвоении себе лидирующих позиций с правом отдавать распоряжения и /или навязывать свою систему ценностей;

– функция объединения, где местоимение 1-го лица множественного числа служит имплицитным целям сближения говорящего со слушающим.

В рамках политического дискурса использование *мы* часто несёт в себе тенденцию включённости в общее дело, в социум, благодаря чему человек ощущает себя причастным к происходящим событиям и одним из действующих лиц оных.

Говоря об употреблении личного местоимения *Я* в совокупности с глаголом 1-го лица в грузинском президентском дискурсе, следует отметить, что данное грамматическое сочетание способствует достижению особого прагматического эффекта и придаёт определённую экспрессивность высказыванию. Путём их частотного использования, президент представляет себя разделяющим интересы своего народа и наиболее эффективным лидером своей нации, особенно пробуждая чувство народного единства.

Список литературы

- Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 3–42.
- Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. – 488 с.
- Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка [Текст] / А. В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры (Studia philologica), 2002. – 736 с.
- Пушкарева, Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода [Текст]: автореф. дис. ... д-ра политич. наук: 23.00.01 / Пушкарева Галина Викторовна; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2004. – 42 с.
- Рядчикова, Е. Н. Речевое воздействие как вид манипуляции [Текст] / Е. Н. Рядчикова // Личность в пространстве языка и культуры. – М.; Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. – С. 290–300.
- Речь президента [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://president.spl.ge/ge/>.
- Руденко, Б. Т. Грамматика грузинского языка [Текст] / Б. Т. Руденко. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1940. – 275 с.
- Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Шейгал Елена Иосифовна; ВГПУ. – Волгоград, 2000. – 431 с.

Bloomfield, L. *Language* [Text] / L. Bloomfield. – N. Y. : Holt, Rinehart & Winston, 1933. – 564 p.
Yule, G. *Pragmatics* [Text] / G. Yule. – London : Oxford University Press, 1996. –138 p.

References

- Arutyunova, N. D., Paducheva, E. V. (1985). Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Origin, problems and categories of pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New issues in foreign linguistics] (Vol. 16 : Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics], pp. 3–42). Moscow : Progress Press.
- Benvenist, E. (1974). *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow : Progress Press.
- Bondarko, A. V. (2002). *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [The theory of meaning in the system of functional grammar]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury (Studia philologica) Press.
- Pushkareva, G. V. (2004). *Politicheskoe povedenie: teoriya, metodologiya i prakticheskie vozmozhnosti kognitivnogo podhoda* [Political behavior: Theory, methodology and practical possibilities of cognitive approach]. Author's abstract of Doctoral in Political sci. diss. Lomonosov Moscow State University : Moscow.
- Ryadchikova, E. N. (2005). Rechevoe vozdeystvie kak vid manipulyatsii [Speech impact as a type of manipulation]. *Lichnost' v prostranstve yazyka i kul'tury* [Personality in the space of language and culture] (pp. 290–300). Moscow ; Krasnodar.
- Rech' prezidenta [President speeches]. Retrieved from <<http://president.spl.ge/ge/>>.
- Rudenko, B. T. (1940). *Grammatika gruzinskogo yazyka* [Georgian grammar]. Moscow : USSR Academy of Sciences Press.
- Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Political discourse semiotics]. Doctoral in Philological sci. diss. Volgograd State Pedagogical University. Volgograd.
- Bloomfield, L. (1933). *Language*. N. Y. : Holt, Rinehart & Winston.
- Yule, G. (1996). *Pragmatics*. London: Oxford University Press.